

8. Философский Энциклопедический словарь. [Текст] — М., Советская Энциклопедия, 1983. — 840 с.

9. Чугаева И.Г. Художественная коммуникация как средство формирования личностной идентичности старшеклассников на уроках мировой художественной культуры [Текст] : дис. ... к-та пед. наук : 13.00.02 / Чугаева И.Г. — Екатеринбург, 2013. — 268 с.

10. Шапошникова Ю.В. «Философская антропология Г.Лотце в контексте новоевропейской метафизики» [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Шапошникова Ю.В. // Электронная библиотека диссертаций : сайт. — Электрон. текстов. дан. — СПб, 2005.— Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/filosofskaya-antropologiya-g-lottse-v-kontekste-novoevropeiskoi-metafiziki>.

*Шпека К.А.,
г. Екатеринбург*

К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «НИЧТО» В СООТНОШЕНИИ С ПОНЯТИЕМ «СУБСТАНЦИЯ» (НА ПРИМЕРЕ АПОФАТИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ)

Апофатическое богословие, в методологическом смысле, характеризуется агностицистской установкой. Сущность бога является совершенно негативной, непознаваемой. Противоположность такому способу раскрытия сущности бога представляет собой катафатическое (или утвердительное) богословие, приписывающее богу всевозможные эпитеты, выражающие его качественные особенности. «Первый (здесь имеется в виду утвердительный путь богопознания – К. Ш.) ведёт нас к некоторому знанию о Боге, - это путь несовершенный; второй приводит нас к полному незнанию, - это путь совершенный и единственно по своей природе по-

добающий Непознаваемому, ибо всякое познание имеет своим объектом то, что существует. Бог же вне пределов всего существующего. Чтобы приблизиться к Нему, надо отвергнуть всё, что ниже Его, то есть всё существующее» (5, с. 21). Нужно заметить, что В. Н. Лосский проводит грань между экстатическим единением с богом в неоплатонической обработке и экстазом, описанным в ареопагитиках, утверждая, что «экстаз Дионисия есть выход из бытия как такового, экстаз Плотина есть скорее сведение бытия к абсолютной простоте».(5, с. 26). Однако мы вправе не совсем согласиться с таким утверждением, т. к. нами было уже показано равенство содержания таких понятий, как «всё» и «ничто», пустота и абсолютная наполненность тождественны. Апофатическая линия, представленная во всём своём блеске на страницах ареопагитик, подспудно присутствует в воззрениях многих представителей патристики. Вспомнить хотя бы Оригена, Григория Нисского и других.

Итак, сущность онто-гносеологических построений отрицательного богословия сводится к следующему:

1. Первая причина сущего - бог, есть само бытие, непрерывно поддерживающее целостность мира;

2. В то же время первая причина парадоксальна - она не есть нечто в сфере сущего. Оно представляет собой небытийную основу всего существующего;

3. Первая причина вечна, т. к. исключает целостность (структурность), носит характер неоплатонического единого. Следовательно, она непознаваема как нечто.

Ничто представляет собой исходную точку всякой структурности бытия. Оно знаменует собой, если можно так выразиться, бесконечное полисемантическое пространство языка, хаос, смысловую бездну, которая феноменализирует, проявляет собственное содержание посредством различных предикативных конструкций языка, т. е. происходит своеобразное «вырезание» нечто из небытия, осуществляемое за

счёт сознания. «Ничто оформляется в нечто через говорение об этом нечто» (1, с. 55). Нечто, это не что иное, как понятие наинизшего смыслового уровня, первая манифестация ничто, обладающая большей конкретностью, т.к. представляет собой единичное существованием. Нечто, т. е. своеобразный просвет в лоне ничто, имеет своей противоположностью иное нечто, которое является исключительно внешним по отношению к первому нечто, что позволяет констатировать ситуацию взаимного отрицания. «Когда не-что, где «не» лишь отрицание определённости, а не статуса существования, приходит к выводу о невозможности создания конкретной определённости, то оно, нечто, то есть ещё не что-то, превращается в ничто, которое ничтожится в глубинной сущности логоса, одновременно позволяя другой чистой потенции, другому не-что, определиться» (1, с. 51). Этого отрицания недостаточно для того, чтобы «нечто» превратилось в «что». Данное первоначальное отрицание, это только предпосылка для движения рефлексирующего сознания по выявлению более конкретного содержания нечто, что достигается двойным отрицанием.

Исходя из этого есть все основания обратиться к параллелям с гностическим богом валентинианцев, для которых характерно стремление «разместить источник <...> дуалистического разрыва бытия, в пределах самого божества» (1, с. 178), содержание которого подвергается своеобразному зауживанию в ходе множества последовательных эманаций интеллигибельных сущностей-зонов, при этом сам бог остаётся изолированным от мира.

Весьма интересным и содержательным для нас в рамках смоделированного контекста является система воззрений ярчайшего представителя немецкой средневековой мистики – Майстера Экхарта, сделавшего в своих размышлениях упор на ограниченности, неадекватности рациональных определений применительно к такому объекту, как бог. В свою ин-

терпретацию отрицательности понятия бога рейнский мистик вводит своеобразный онтологический концепт – божество, который необходимо противопоставить каноническому богу. Сущность этого разграничения заключается в том, что божество «есть источник как Бога, так и людей; более того, Бог появляется только вместе с человеком как конечным и тварным существом, Бог поэтому тоже отмечен печатью конечности. До сотворения человека и после его растворения в Божестве <...> не было – и не будет – также и бога» (2, с.348).

Подобные воззрения оказали достаточно сильное влияние на экзистенциальную философию М. Хайдеггера в поздний период его творчества. Примечательно, что сам Хайдеггер подчёркивает положительную значимость учения Майстера Экхарта. «Для Хайдеггера же, настаивающего на принципиальном различии бытия и сущего, ничто как раз и есть бытие» (2, с. 348).

Подобное, на первый взгляд, абсурдное утверждение, оказывается вполне правомерным, если учитывать, что в основу своей онтологии Хайдеггер кладёт факт существования человека и, как следствие, его конечность, временность. Логически ничто определимо только как отрицание, превращающее его в нечто сущее и скрывая ничто как таковое. Однако человек в своей самостийности болезненно переживает собственную смертность, воспринимая смерть как неотъемлемую часть своей экзистенции. Именно в переживании ужаса перед ничто открывается в человеке устремлённость в форме чувства тоски по «сущему в целом». Таким образом, экзистенция оказывается «вдавленной» в поле пересечения двух противоположных полюсов: во-первых, сущее в целом (аналог положительного), открывающееся в универсальном характере чувства тоски, с одной стороны, во-вторых, ничто, отсылающее к сущему в целом переживанием ужаса, которому «присущ какой-то оцепенелый покой». Негационность

сознания (рассудка, логики) с его диктатом аналитико-синтетического характера понятий, имеющих столь важное значение в границах рациональной философии, не порождает «ничто». А, получается, что наоборот, та самая изначальная смысловая бездна «ничто» дефинируется в сознании как нечто отрицаемое им. Именно через подобного рода ничтожение «ничто» сущее в целом приобретает смысл абсолютной ценности. В то же время необходимо заметить, что это вожделенное сущее в целом в силу своей невыразимой отвлечённости от конкретного единично сущего оказывается опять-таки не чем иным, как отвергнутым прежде «ничто», представляющее собой бытия: «Ничто пребывает как бытие. <...> в Ничто вместительный простор того, чем всему сущему дарится гарантия бытия» (6, с. 38). Ничто представляет собой ту самую хайдеггеровскую «тайну бытия», которая скрыта под повседневной оболочкой языка: «человек постоянно находится на пути к языку, к сущности бытия» (3, с. 177).

Таким образом, оставляя в стороне религиозное содержание понятия «субстанция», каковой здесь выступает бог, следует сделать следующий вывод. Субстанция представляет собой бесконечное смысловое поле. Проявлением этой бесконечности выступает понятие ничто. Вербально-логическому оформлению субстанциальной «подкладки» предшествует экзистенциальное состояние субъекта, переживающего свою конечность. Это порождает стремление к поиску всеобщего основания и, соответственно, фиксации результатов в языковой форме. Данный процесс характеризуется бесконечной длительностью.

Литература:

1. Воронков, В. В. Слово как ничто и бытие (опыт феноменологического анализа внутренней структуры слова) // Философские науки. – 2002. - №3.
2. Гайденок, П. П. Прорыв к трансцендентному. – М.,

1997.

3. Зайцева, З. Н. Мартин Хайдеггер: язык и время // Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. – М., 1991.

4. Йонас, Г. Гностицизм (гностическая религия). – СПб., 1998.

5. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. – М., 1991.

6. Хайдеггер, М. Послесловие к «Что такое метафизика?» // Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993.

Ярина Е.Г.,
г. Екатеринбург

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД – НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА?

В настоящее время особое значение приобретают новые знания о развитии педагогической науки. Любая наука имеет свой собственный категориально-понятийный аппарат. Его значение состоит в том, чтобы в определенных категориях и понятиях выразить сущность этой науки, ее объекты и предмет, главную идею.

Общеизвестным фактом является то, что в своих понятиях, принципах и методах образовательный процесс ориентирован на соответствие требованиям той или иной образовательной парадигмы. Именно эта парадигма с ее ценностями и присущим ей методологическим принципам оказывает прямое влияние на определение сущности образования и самого образовательного процесса в тот или иной исторический период развития определенного социума. Наряду с этим осознанный выбор педагогом образовательной парадигмы влияет на характер его собственной профессиональной деятельности.